полиции в области предварительного следствия, дознания и других процессуальных действий, но в тоже время наложил на них не свойственные им функции, входящие в круг полномочий суда, следствия, прокуратуры.

1. Устав уголовного судопроизводства (прин. 20 ноября 1864 г.) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: Справочная правовая система «Гарант»: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137> (дата обращения: 08.11.2017 г.).
2. Свод Уставов о предупреждении и пресечении преступлений (Изд. 1890 г.) // Собрание законов Российской империи. Т. 14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.3.htm> (дата обращения: 08.11.2017 г.).
3. Уставы о Паспортах и Беглых // Свод законов Российской империи. Изд. 1857 г. Т. 14. - СПб., 1857. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/bookreader/book388229/#page/9/mode/1up> (дата обращения: 07.11.2017 г.).
4. Уставы Путей Сообщения// Свод Учреждений и Уставов Путей Сообщения. Свод законов Российской империи. Изд. 1857 г. Т. 12. - СПб., 1857. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/e0c/12-1.pdf> (дата обращения: 07.11.2017 г.).
5. Седунов, А.В. Российская полиция во второй половине 19 - начале 20 века: сфера компетенции, отношение к службе, реформирование / А.В. Седунов // История государства и права. - 2005. - № 3. - С. 41-43.
6. Фролов, В.В. Изменение правоохранительной системы в России во второй половине 19 века / В.В. Фролов // История государства и права. - 2006. - № 7. - С. 26-27.
7. Филонов А.В. Опыт деятельности полиции, жандармерии и специальных служб Российской империи как органов по борьбе с терроризмом. Конец XIX - начало XX в. / А.В. Филонов // Закон и право. - 2013. - № 2. - С. 33-35.
8. Устав Лесной (Свод учреждений и уставов лесных 1802 г., в ред. 1835, 1842 гг.). Ч. 1. Т. 8. Свод законов Российской империи (изд. 1857 г.). - СПб., 1857 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.runivers.ru/bookreader/book388190/#page/3/mode/1up> (дата обращения: 07.11.2017 г.).
9. Уставы Таможенные (Устав Таможенный по Европейской торговле, Устав Таможенный по Азиатской торговле, прин. 14 декабря 1819 г., вст. в дейст. 1 января 1820 г.) // Свод законов Российской Империи. Собрание III: В 15 тт. – СПб., 1857. - 563 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.runivers.ru/bookreader/book388160/#page/6/mode/1up> (дата обращения: 07.11.2017 г.).
10. Уставы о податях, о пошлинах и о сборах с питей, с свекло-сахарного производства и с табаку // Свод законов Российской империи. Изд. 1857 г. Т. 5. - СПб., 1857. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/bookreader/book388158/#page/1/mode/1up> (дата обращения: 07.11.2017 г.).

Комбарова Е.Л.

Судебные версии как инструмент уголовно-процессуального познания судьи

*Российский государственный университет правосудия, Центральный филиал
(Россия, Воронеж)*

doi:10.18411/spc-20-11-2017-05

idsp: 000001:spc-20-11-2017-05

В настоящее время учение о криминалистической версии представляет собой сформированную целостную теорию, в рамках которой исследователи пришли к достаточно единообразной трактовке понятия криминалистической версии, особенностей выдвижения версий и их проверки.

Под криминалистической версией понимается логически обоснованное, базирующееся на фактических данных предположение субъектов, осуществляющих уголовно-процессуальное познание, о сути исследуемого деяния, его отдельных фактах и обстоятельствах в целях установления истины [1].

К числу субъектов, выдвигающих криминалистические версии, подавляющее большинство исследователей относят оперативно-розыскного работника, эксперта, следователя (дознателя), прокурора и суд.

Однако весьма дискуссионной является роль суда как субъекта криминалистической тактики, формирующего и проверяющего криминалистические версии, что обусловлено спецификой современной законодательной регламентации

уголовно-процессуальной деятельности суда, предполагающей относительную пассивность суда в процессе собирания и исследования доказательств (прежде всего, в силу состязательности уголовного процесса, предполагающей невозможность осуществления ряда судебных действий следственного характера по инициативе суда, реализация активной доказательственной деятельности сторонами).

Воспринятая многими практиками и теоретиками трактовка уголовного обвинения лица в совершении преступления как определенного иска, инициируемого государством в лице государственного обвинителя и отзываемого им же при отсутствии надлежащей доказательственной базы, привела к трансформации взглядов на сущность и целеполагание современного уголовного процесса, когда ставится под сомнение необходимость суда и прочих субъектов доказывания устанавливать объективную истину (достоверные обстоятельства происшедшего события). Многими учеными говорится о наличии в современном уголовном процессе истины формальной, где идет речь преимущественно о логической обоснованности, формальной доказанности обстоятельств дела (а не о фактической достоверности фактов исследуемого события), или истины конвенциональной, в рамках которой истинным является то знание, которое установлено соглашением сторон.

Подобные подходы нивелируют саму суть и дух уголовного судопроизводства, препятствуя постановлению судом объективных и справедливых судебных решений, направленных на защиту прав граждан.

Необходимость установления достоверных обстоятельств преступления (максимально возможного в конкретных обстоятельствах исследования) обусловлена самой природой уголовного процесса, назначением судебной власти и правоохранительных органов – осуществлять эффективную защиту и восстановление нарушенных преступлением прав граждан, охрану интересов общества и государства посредством применения к преступникам мер уголовно-правового воздействия.

Необходимость глубокого, достоверного познания всеми субъектами доказательственной деятельности (к числу которых законом отнесен и суд) всех фактов и обстоятельств преступного события обуславливает выдвижение судом криминалистических версий о различных обстоятельствах преступления. Версионность мышления является необходимой составляющей любого процесса познания, в том числе и уголовно-процессуального.

Как справедливо отмечал Л.Е. Ароцкер, познание судьями сущности ретроспективных событий немыслимо без выдвижения и проверки версий, которые, в свою очередь, должны отвечать условиям обоснованности, то есть согласованности с фактическим материалом, реальности и проверяемости [2].

Однако, вместе с тем, конструирование судебных версий имеет существенные отличия от особенностей формирования версий следственных.

Если основой выдвижения версий следователем (дознавателем) является информация, полученная из самых разных источников (анонимные письма, публикации в СМИ, сведения, полученные в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности, а также, безусловно, информация, имеющая статус доказательства), то версии суда могут и должны базироваться исключительно на доказательствах.

Имеется и существенное преломление классификационных аспектов, характеризующих особенности структуризации криминалистических версий. Так, в отношении суда как субъекта версионной деятельности несостоятельна классификация версий в зависимости от предмета обвинения на обвинительные и оправдательные. Следует помнить, что суд в силу принципа состязательности не может находиться на стороне обвинения или защиты, соответственно осуществляя обвинительную или

защитную деятельность. Потому процесс познания, осуществляемый судом, никоим образом не направлен на формирование обвинительных или оправдывающих лицо доказательств, которые будут иметь место в случае позиционирования версий суда как обвинительных или оправдательных. В отношении суда подобная классификация криминалистических версий является некорректной, ибо суд не формирует обвинительные или оправдательные доказательства и не должен высказывать соответствующие версии, пусть даже версионные умозаключения суда имеют форму предположений. Суд не обвиняет и не защищает, он познает исследуемое событие, устанавливая факты и обстоятельства, потому высказываемые судом предположения о различных обстоятельствах, связанных с анализируемым преступлением, не могут иметь обвинительную или оправдательную направленность.

Также хотелось бы отметить специфику версионного мышления суда относительно объема исследуемых обстоятельств дела. Как известно, выделяют версии общие и частные. Под общими версиями понимают предположительное объяснение имеющего признаки преступления события в целом, частные же версии предположительно объясняют отдельные элементы, части данного события.

Думается, что суд при разрешении уголовного дела в общем порядке не должен формировать общие версии, объясняющие событие в целом, во избежание потенциально возможного предубеждения относительно фактов и обстоятельств события. Суд при подготовке к рассмотрению дела в общем порядке, а также в процессе судебного следствия должен формировать лишь версии частные, объясняющие те или иные элементы события. При этом, верно отмечает И.И. Белохортов, суд вправе также исследовать версии, впервые возникшие в судебном заседании и не бывшие ранее в поле зрения следователя или прокурора, либо суд может исследовать и версии, по каким-либо причинам отвергнутые следователем в процессе предварительного следствия [3].

В конце рассмотрения дела, в совещательной комнате суд уже может сформировать версии общие, оценить всю совокупность доказательств и в итоге вынести судебное решение, презюмируя какую-либо судебную версию как истину.

А вот при разрешении уголовных дел в упрощенном порядке суд уже имеет право сформировать общие версии относительно всех обстоятельств события, поскольку фактические обстоятельства дела в процессе судебного следствия исследованию не подлежат. При этом суд не должен удовлетворяться лишь версией обвинения. Необходимость полного и достоверного установления всех обстоятельств дела (объективной истины) при разрешении уголовных дел во всех без исключения формах, в том числе и упрощенной, предопределяет целесообразность суда не удовлетворяться только имеющейся версией обвинения, а конструировать и какие-либо новые версии (при наличии к тому соответствующих оснований).

Вместе с тем, несмотря на всеохватность и полноту выдвигаемых судом версий, возможность их проверки непосредственно судьей ограничена (суд не наделен правом по собственной инициативе осуществлять абсолютно все следственные действия, предусмотренные УПК РФ), что препятствует всестороннему и объективному исследованию всех обстоятельств дела.

Суд в силу закона является самостоятельным полноправным субъектом доказывания, выдвигающим и исследующим криминалистические версии, что предполагает необходимость наделения суда возможностью осуществления по собственной инициативе судебных действий следственного характера. Перечень данных действий, по справедливому мнению многих ученых, не должен подлежать

ограничению, что обуславливает необходимость внесения соответствующих корректив в процессуальное законодательство [4].

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов. – 3-е изд., доп. – М., 2001; Криминалистика / под ред. Н.П. Яблокова. – М.: Юрист, 2005. – 781с. и др.
2. Ароцкер Л.Е. Криминалистические методы в судебном разбирательстве уголовных дел: автореф. дисс. доктора юрид. наук. – М., 1965. – 43с.
3. Белохортов И.И. Полномочия суда по собиранию, закреплению и проверке доказательств // Общество и право. – 2008. - №1. – С.184-188.
4. Жажицкий В.И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: Теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6; Ищенко Е.П. Какая истина нужна в уголовном судопроизводстве? // Уголовное судопроизводство. 2008. № 1; Орлов Ю. Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия // Российская юстиция. 2004. № 2; Поляков М.П. Принцип чистой состязательности как источник проблем судебного следствия // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1.

Кондратьева Е.М.

Вопросы коллизионного регулирования траста в России

*Нижегородский государственный университет им.Н.И.Лобачевского
(Россия, Нижний Новгород)*

doi:10.18411/spc-20-11-2017-06

idsp: 000001:spc-20-11-2017-06

Факт отсутствия в России развернутого правового регулирования траста обуславливает невозможность применения, в том числе даже частичной, аналогии с материально-правовыми институтами и категориями российского гражданского права. Так траст, предусмотренный англосаксонским правом, в литературе принято считать аналогом института доверительного управления имуществом (глава 53 ГК РФ), что представляется принципиально неверным в связи с различием между данными правовыми конструкциями в отношениях собственности: доверительному управляющему имущество учредителем управления передается в доверительное управление (ст. 1012 ГК РФ), в то время как учредитель траста передает имущество в собственность доверительного собственника[1, 175]. Представляется неуместным также сравнение траста с поручением (глава 49 ГК РФ), простым товариществом (глава 55 ГК РФ) или другими институтами.

Бесспорно, на наш взгляд, что и привязка *lex fori*, согласно которой «при определении права, подлежащего применению, толкование юридических понятий осуществляется в соответствии с российским правом, если иное не предусмотрено законом»[2] при разрешении данного вопроса не может быть применена.

Более оправданным является руководство п. 2 ст. 1187 ГК РФ, содержащим исключение из правила квалификации по закону суда юридических понятий при определении права, подлежащего применению и разрешающего, по сути, квалификацию юридического понятия через «иностранное право».

Потенциальными препятствиями к прямой квалификации по иностранному праву траста и передачи имущества в траст могут быть так называемые императивные нормы (нормы непосредственного применения) законодательства Российской Федерации (ст. 1192 ГК РФ) и *ordrepublic*(ст. 1193 ГК РФ), а также невозможность российских физических и юридических лиц учреждать трасты по иностранному праву.

В соответствии с *ordrepublic* раздела VI ГК РФ норма иностранного права в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации. В этом случае при необходимости применяется соответствующая норма российского права (абз. 1 ст. 1193 ГК РФ). Указания на «исключительный случай» и